

УДК 81.42
DOI 10.17223/18137083/55/18

А. А. Рачёва

Иркутский государственный университет

Употребление маркеров *вот* и *вон* как дискурсивный выбор говорящего

Статья посвящена проблеме функционирования дискурсивных маркеров *вот* и *вон* в текстах глубинных интервью. Анализируемые единицы рассматриваются с точки зрения их роли в организации дискурса, что предполагает связь особенностей употребления дискурсивных маркеров с когнитивными механизмами порождения спонтанной речи. В рамках статьи выделены общие для *вот* и *вон* типы употреблений и определены причины выбора говорящим одного из маркеров. Как показал анализ примеров, ключевым в данном случае становится исключение некоторого объекта из личной сферы говорящего. Описываются общие для *вот* и *вон* функции, а также функции, характерные только для одного из маркеров. При этом для *вот* выделяется ряд типов употреблений, с помощью которых говорящий осуществляет как организацию и контроль повествования, так и отчуждение определенного фрагмента дискурса.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные маркеры, дискурсивные слова, устная речь.

Дискурсивные слова представляют собой особый класс слов, выделяемый на основании функциональных критериев: принципиально важным свойством данного типа единиц «является их непосредственная связь с функционированием дискурса» [Дискурсивные слова..., 1998, с. 7]. Дискурс в данном случае понимается как коммуникативное событие, «сложное единство языковой формы, значения и действия», которое включает в себя «социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [Дейк, 2000, с. 113].

Необходимо отметить, что дискурсивные слова в большинстве своем многофункциональны, при этом анализ некоторых функций, с одной стороны, «требует рассмотрения значительно более “длинных” контекстов, чем в случае других единиц или недискурсивных употреблений соответствующих единиц» [Дискурсивные слова..., 1998, с. 10], а с другой – с обязательностью предполагает обращение

Рачёва Александра Андреевна – преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (ул. Чкалова, 2, Иркутск, 664025, Россия; aleksandracheva@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2
© А. А. Рачёва, 2016

к описанию когнитивных механизмов, связанных с производством, структурированием и контролем дискурса.

Во многом именно поэтому многообразие функций большинства дискурсивных слов по-прежнему остается недостаточно изученным.

В рамках данной статьи рассматриваются и сопоставляются функции двух дискурсивных слов, имеющих дейктическую природу, – *вот* и *вон*.

Материалом исследования послужили тексты глубинных интервью, записанных с 2009 по 2012 г. в рамках проекта «Устная история Иркутска»¹. Используемый для сбора материала метод глубинного интервью позволяет исследователю получить текст значительного объема, продуцируемый в неофициальной обстановке. Подобная запись спонтанной речи субъекта дает богатый материал для изучения различных явлений, характерных для устной речи, в том числе и употребления дискурсивных маркеров. Всего проанализировано 12 текстов интервью.

Прототипическим значением для дискурсивных маркеров *вот* и *вон* является идея указания на объект (при этом, согласно словарным дефинициям, *вот* указывает на что-либо, находящееся в непосредственной близости (1), а *вон* – на что-либо, находящееся в некотором отдалении (2)), реализуемая в относительно небольшом количестве контекстов.

(1) *А если вы желаете, я вот с собой взял газеты, вот, пожалуйста, вот «Красная звезда»... сорок первый, сорок второй год... вот статьи там, пять – шесть, фотографии мои* (Вишняков)².

(2) *Ну видите, раньше, я не знаю, правда, говорят, я была молодая, поэтому все-таки пела и, как говорится... вот всегда мы ставили елку, у меня и сейчас она вон в диване лежит, всегда елку украшали... игрушками там, старались там...* (Васюхина)

И. М. Кобозева описывает подобные употребления *вот* следующим образом: «Говорящий привлекает внимание адресата к объекту X (или его изображению), находящемуся в поле зрения Говорящего и/или Слушающего в момент речи» [Кобозева, 2007]. Анализ имеющихся контекстов позволяет заключить, что подобным же образом может быть описано и значение *вон*. Следует отметить, что в случае с *вон* все словари вносят существенное уточнение: «Употребляется для указания на какой-либо предмет, находящийся в отдалении» [БАС; МАС; СОШ]. Анализ имеющихся примеров из текстов глубинных интервью, однако, позволяет заключить, что не во всех случаях говорящий действительно осуществляет указание на предмет, «находящийся в некотором отдалении» (см. примеры (3)–(5), где говорящие указывают на объекты, находящиеся в одной с ними комнате в зоне видимости). Как представляется, в данном случае при указании на объект параметр близости/удаленности предмета имеет относительный характер.

¹ Тексты получены в результате проведения социолингвистических интервью студентами факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Каждое интервью – это около 60 минут звучащей речи (всего собрано более 100 часов аудиозаписей). Интервью записывались с людьми, родившимися в СССР в период с 1918 по 1955 г. и прожившими в Иркутске не менее 25 лет. Корпус интервью хранится на кафедре русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИГУ.

² Здесь и далее в скобках указаны фамилии информантов.

(3) *Сразу кружки пооткрывали, всё. А я тогда... нас выучили все бальные танцы, и преподавала бальные танцы, тогда же запрещались всякие лндочки да это всё, фокстроты. Вот. Ну вот... вот с вальса начинаешь и потом разводишь все эти... [нрзб] ты сам, как говорится, ведёшь вечер. Вот. Сама же играю, и директор мне попался тоже баянист. Мы с ним на передышку, раньше же ничего не было, вот этих вот всяких приборов, это уже потом нам чё-то такое какое-то... дали... проигрыватель, там чё-то такое было. Вот. **Вон** у меня стоит эта... времён совдеповских...эта... радиола (Верхозина).*

(4) *И вот мы всегда со студентами проводили тоже рождественские вечера со свечами. Вон у меня сколько, и мельница из... вот оттуда, из горных, из рудных гор, это мельница, там обычаи: олени бегут, мельница крутится, да, горят свечечки, вот. И у меня **вон** шахтёр, **вон** он стоит, как раз ты его видишь, белый с чёрным, да, шахтёр, который держит свечи тоже, опускаясь в шахту, из Германи (Пригожаева).*

(5) *Ах! Какая была линейка! <...> Ну меня поразило, конечно, то, что девочки наши выступали, ведущие, говорили: «Вот первое сентября. Для кого-то это самое первое сентября в жизни. Они первый раз пришли в первый класс. Кто-то в пятый класс, кто-то в десятый уже класс... А у нас есть учитель, который пришел на линейку в пятьдесят пятый!» [смеется]. Это я! Вот такая старая-престарая бабуля. Ну вот. Конечно, чествовали... **вон**, видишь, все... **цветы вот эти** все... (Жмур)*

Интересно, что в случае, когда объект, на который указывает говорящий, находится в одном с ним (и как можно предположить, относительно небольшом) помещении, указание может осуществляться и с помощью *вот*, так как комнату можно считать зоной непосредственной близости (см. дублирование идеи указания с помощью указательного местоимения *эти* и уточняющего *вот* в примере (5), прототипически использующимися для указания на предмет, находящийся поблизости), однако говорящие избирают *вон*. По всей видимости, в данном случае объекты, на которые осуществляется указание, оказываются исключенными из пространства говорящего (т. е. из пространства, «в котором он мыслит себя» – см. [Апресян, 1986, с. 10]). Таким образом, как показывает анализ примеров, даже в случае собственно указательных употреблений определяющим становится не реальное расстояние до объекта, а способ осмысления пространства. Отдельного рассмотрения заслуживает следующий пример.

(6) ***Вон** газета хорошая, между прочим. Эта... как его? [ищет газету] да... куда-то забросил (Алексеев).*

В данном случае говорящий использует для указания *вон*, поскольку объект, на который он осуществляет указание, недоступен непосредственному восприятию (субъект речи ищет газету и не находит ее), говорящий знает только его примерное местонахождение. Следовательно, данный объект находится за пределами пространства говорящего (см. также замечание Е. Г. Борисовой и Т. Е. Овчинниковой о том, что *вон* является «признаком (или инструкцией) поиска нужного объекта» [Борисова, Овчинникова, 2011]).

Другой функцией, отмечаемой некоторыми словарями и для *вот* и для *вон* (для *вот* ее указывают [МАС; СОШ], для *вон* – [МАС]), является уточняющая. Данный тип употреблений схож с указательными, однако в данном случае само указание осуществляется с помощью наречий *там* и *здесь* или указательного местоимения *этот*, а *вот/вон* лишь усиливает, уточняет идею указания. Как позво-

ляет установить анализ примеров, подобное распределение функций (указание осуществляет наречие или местоимение, а дискурсивное слово только «поддерживает» это указание) обуславливает и изменение просодических характеристик дискурсивных слов: *вот* и *вон* в данном случае, в отличие от указательных употреблений, где они акцентно выделены, оказываются фразово-безударными (см. (7)–(9)).

(7) *И мы **вот эту** квартиру, двадцать лет я за нее, я кооператив этот выплачивала, батрачила на нее* (Портянникова).

(8) *Так тут коты весь этот ободрали, тут весь... **вот здесь** узились простенок, ободрали. Видел тут, страх божий* (Портянникова).

(9) *Я сказала маме: «Это правнук...» Мама на той стороне живет, там неважно. Я сердилась, что когда он приходит (он в лицее сейчас на первом), включает телевизор, что он лежебокий такой. Книги мы не читаем. А зачем их читать-то? Нет, ну... чего читать-то в них? <...> У меня **вон там вон** всё эти книги лежат... А для кого я их берегла-то?* (Попова)

Кроме собственно указательной и уточняющей, анализ материала позволяет выделить еще ряд функций, общих для *вот* и *вон*. Обратимся к рассмотрению некоторых из них.

Самую многочисленную группу примеров из интервью составляют фрагменты, в которых субъект речи с помощью рассматриваемых дискурсивных слов старается обратить внимание адресата на некоторый аспект ситуации (время/участники/состояние/признак объекта).

Подобные употребления отличаются от указательных, во-первых, просодически (маркер является фразово-безударным), во-вторых, функционально: в данном случае нет идеи прямого указания на определенный объект, «прототипическая» идея указательности сохраняется только в форме акцентирования внимания на некотором аспекте ситуации. Условимся называть *вот/вон* в данной функции акцентирующим (см. (10)–(14))³.

(10) ***Вот** из того времени я бы вернула бы старую эстраду нашу, песни наших этих, нашу музыку. И еще я бы вернула... **вот** мы раньше жили, у нас не было, скажем, мы не смотрели телевизор, но мы воспитаны все на классической музыке. **Вот** у нас целый день, **вот** раньше тарелки висели, потом маленькие эти, транзисторы, и целый день звучала по ним хорошая классическая музыка, хорошие русские песни* (Портянникова).

(11) *Когда какие-то неприятности или беда какая, мы никогда не оставляем в беде в этой, одному переваривать. У меня много приятельниц, которые остались одни. Мужья умерли, они одни: тётя Вера там, Восницкая Нина... Ну как-то **вот** всегда поддерживали. Новых друзей, уже вот они есть, появляются, но уже не те, уже **вот** нет **вот** такого, такой привязанности нет, нет такого доверия друг к другу, как раньше было* (Буримова).

³ Ряд словарей [МАС; СОШ] отмечает сходный (однако не идентичный) тип употреблений для *вот* (см., напр.: «Открывая предложение, употребляется для выделения того, на чем должно быть сосредоточено внимание, что оценивается как главное, существенное или безусловное» [СОШ]).

(12) Это караул. И эта система ЕГЭ – это безобразие полное. Ну говорили, что коррупции не будет. **Вон** она – такая коррупция, что такой коррупции и не было никогда. И Фурсенко, и все его кроют, и хоть бы что, и он сидит непотопляемый. Его уничтожить, его уже линчевать надо, он всё развалил (Шарлова).

(13) – Понятно. А можете сказать, как раньше праздники молодежь отмечала?

– Ну как? Как она отмечала? Как... Она и сейчас отмечает вот...

– Ну вот как раньше и как сейчас?

– Раньше. Раньше как они отмечали. Тоже так бузовали.

– Что делали?

– Бузовали. То драка, то ножи, вот. Не больно так-то... вот и сейчас и по радио, и по телевизору передают, что **вон** творят чудеса. То где взорвут, то что наделают.

– Ну, сейчас как бы принято вот на дискотеки собираться (Черепанов).

(14) – Кто работать не хочет... Ну концерт-то, ну концерт, что концерт? Ну показали, показуху сделали, и все.

– Ветераны собрались.

– Ну ветеранов-то раз-два – и обчелся. Ветераны.

– Администрация наша была.

– Ну администрация. Ну что он, Старухин-то **вон**... делов-то наделал **вон**. И еще сейчас опять баллотироваться хочет, баллотируется. Выкрал эти, у Качана, в прошлые выборы эти, голоса, вот. И ни стыда ни совести. Его надо судить (Черепанов).

Акцентирующая функция, по всей видимости, более характерна для *вот* (в анализируемых текстах интервью обнаружено в несколько десятков раз больше акцентирующих употреблений *вот*). Возникает вопрос, почему говорящие для акцентирования определенного аспекта ситуации в некоторых случаях избирают *вон*, а не *вот*.

Обращает на себя внимание одна важная особенность, объединяющая практически все контексты, в которых используется акцентирующее *вон*: субъекты речи используют *вон*, эксплицируя представление о некоторой отрицательно оцениваемой ими ситуации: **вон** она – такая коррупция, что такой коррупции и не было никогда (см. использование лексемы, называющей отрицательно оцениваемое социумом явление, – коррупция); ну что он, Старухин-то **вон**, делов-то наделал **вон** (см. использование идиоматического выражения наделать делов для обозначения отрицательно оцениваемой говорящим ситуации); не больно так-то... вот и сейчас и по радио, и по телевизору передают, что *вон* творят чудеса. То где взорвут, то что наделают (см. использование (по всей видимости, ироничное) выражения творить чудеса с последующим разъяснением: то где взорвут, то что наделают).

Это позволяет предположить, что в данных контекстах *вон* используется не только для акцентирования определенного аспекта ситуации, но и для исключения данной ситуации/данного объекта из своей личной зоны, выражения пейоративного отчуждения. Развитие подобной функции у *вон* вполне предсказуемо: подобным же образом используется *там*, также прототипически выражающее идею указания на объект, находящийся в отдалении (т. е. ‘не здесь, не в моем сознании’). См. А. Б. Пеньковский о *там*: «Там – с его основным местоименно-наречным обстоятельством значением ‘не здесь’, ‘не теперь’ (откуда далее ‘не в моем сознании’) – отсылает в другие локусы, в другие времена, в другие культурные и ценностные миры, куда от “я – здесь – теперь” можно перебраться только оценивающей

мыслью. И если оценивающее сознание воспринимает “другое” как “чужое – плохое”, то принадлежащее ему *там* оказывается знаком отчуждения и – в силу отчуждения – знаком отрицательной оценки» [Пеньковский, 2004, с. 42].

Кроме того, и *вот* и *вон* могут становиться маркерами экземплификации. Подобный тип употреблений для *вот* описывает И. М. Кобозева: «*Вот* обращает внимание Слушающего (Читателя) на X как на пример того, о чем говорилось ранее» [Кобозева, 2007]. Проведенный анализ текстов глубинных интервью позволяет заключить, что дискурсивное слово *вон* также имеет подобную функцию. Общий механизм использования данных маркеров экземплификации можно описать следующим образом: субъект речи эксплицирует представления о некоторой ситуации, а затем с помощью *вот/вон* указывает на определенный объект/ситуацию, являющийся иллюстрацией для описанного ранее положения вещей (см. (15)–(19)).

(15) *А папаня мой, он тоже был шустрый такой. Он в четырнадцать лет сбежал из дома вместо того... от бабушки... Рванул, ушел в армию, это, Буденного, в Конную Буденно... А отец-то у него был... ммм... отец – не отец, а прадеды и деды эти, донские казаки, с Дону, и у него это, видимо, в крови сидело. Вот у нас и добровечье такое, всё в крови. **Вот Танька** тоже путешествовать без конца любит, и я тоже, всё у нас охота к перемене мест всё время (Портянникова).*

(16) *...она (мама. – А. Р.) варилась в этой среде геологов, они все были молодые, они все прошли войну, пришли с фронта, они были такие воодушевленные, такие вот приподнятые, ну одухотворенные какие-то. Вот я не знаю, вот сейчас таких людей нету, **вот мой преподаватель любимый**, вот он у меня там напротив, доктор наук, Золотарёв. Вот (Портянникова).*

(17) *А старое руководство, оно все же сохраняло и планировало, для того чтобы создавать и рабочие места, и все. **Вон** на заводе Куйбышева работало двенадцать тысяч человек, на карданных валов – пять-шесть тысяч. Все **эти** работали, заняли, выпускали продукцию, получали деньги, зарплаты и все остальное **э-а-аккуратно**, и все **и-и-э** находили место. А сейчас же там никого нет, кроме как торговые точки, всё (Вишняков).*

(18) *И рядом стояла ТЭЦ. И город отапливался все котельными. И вот мы жили около ТЭЦ, и у нас было всё в саже, мы были все черные. Попробуй не умойся два раза в день, не умойся, значит. Сейчас можно не умываться, и чистый будешь ходить. **Вон** Лёшка у нас по месяцу не умывается, а тогда не умейся, будешь как черт, ни за что взяться нельзя было: кругом была сажа (Портянникова).*

(19) – *А как Вы думаете, День Победы хорошо отметили? Вот 60 лет?*

– *Ты знаешь, вот День Победы, к Дню Победы сейчас стараются примазывать даже те классы, которые недовольны Победой и примазываются к ней. И будут, потому что это настолько важный праздник для народа, что против него просто нельзя. **Вон** же попытались заменить Знамя Победы на такое... **какое-то... непонятное**. Как весь народ выступил, пришлось Госдуме менять... (Алексеев)*

Ключевым при определении данного типа употреблений оказывается смысловой критерий: описываемая после используемого дискурсивного маркера ситуация (или упоминаемый объект) становится иллюстрацией к общему утверждению,

заявленному выше. См. (18): говорящий в данном случае использует безличную конструкцию, с помощью которой утверждает общую для всех возможность *не умываться* (предикат *можно* становится средством выражения алетической модальности). Затем субъект речи в качестве иллюстрации подобной возможности указывает на действия своего внука (т. е. на действия конкретного лица, которые воплощают общую для всех возможность), используя при этом *вон*, который в данном случае является маркером экзemplификации: *Вон Лёшка у нас по месяцу не умывается*. Подобный же механизм использования характерен и для *вот*.

Таким образом, прототипическая для *вон/вот* идея указания в данном случае реализуется как выделение одного объекта/ситуации из множества для иллюстрации некоторого положения вещей.

Как отмечает И. М. Кобозева, подобные употребления *вот* являются фразово-безударными [Кобозева, 2007]. Рассматриваемые примеры, в которых в качестве маркера экзemplификации используется *вон*, позволяют утверждать, что данный тип употреблений также является фразово-безударным.

Анализ употреблений данного типа в текстах глубинных интервью позволяет предположить, что функция маркера экзemplификации более характерна для *вон*, чем для *вот*.

В этом случае возникает вопрос, почему говорящие предпочитают использовать определенный маркер – *вот* или *вон*. По всей видимости, выбор *вон* или *вот* в данной функции также должен объясняться с учетом представления о личной сфере говорящего (см. (15) и (16), где субъект речи использует *вот* в качестве маркера экзemplификации, когда говорит о близких людях: дочери и любимом преподавателе).

Вместе с тем в (17) говорящий использует маркер *вон*, рассказывая о количестве рабочих на заводе им. Куйбышева, к которому субъект речи не имел непосредственного отношения (он работал в КГБ). Интересно, что при этом он испытывает явные трудности при вербализации запланированной иллюстрации общего тезиса (*А старое руководство, оно все же сохраняло и планировало, для того чтобы создавать и рабочие места*): см. использование маркера препаративной замены *эти* (*Все эти работали*) и маркеры hesitation (удлиненная реализация фонемы в слове *э-а-аккуратно* и заполненная пауза, затранскрибированная как *и-и-э*). Подобные трудности, как можно предположить, также свидетельствуют о том, что говорящий в данном случае использует пример, который не имеет непосредственного отношения к его собственному прошлому (трудно «вспоминать» то, что не имеет к тебе непосредственного отношения), следовательно, не включен в его личную сферу.

Использование *вон* в (18) и (19) может быть объяснено отрицательной оценкой описываемой ситуации (см. выражение пейоративного отчуждения в (19) с помощью неопределенного местоименного прилагательного *какой-то*: *Вон же попытались заменить Знамя Победы, на такое... какое-то... непонятное*). Таким образом, в данном случае предпочтение маркера *вот/вон* становится дискурсивным выбором говорящего, зависящим от включенности некоторого объекта/ситуации в личную сферу говорящего или исключенности из нее.

Отдельного рассмотрения заслуживают те функции дискурсивных маркеров *вот* и *вон*, при реализации которых они не могут дублировать друг друга.

У *вон* словари [МАС; СОШ] выделяют только одну подобную функцию – усиление качественно-количественной характеристики объекта. Данный тип употреблений реализуется только в сочетании с местоименными наречиями со значением количества (*сколько*) и качества (*как*), а также в сочетании с местоименным прилагательным *какой* (см. (20)–(22)).

(20) *Дак ты чё лежишь-то, чё лежишь? Они-то, они-то работают, а ты... а мы пообедали, у нас никакой лежанки нету: «Но, девки, давайте пошлите! Давайте поднимайтесь, пошлите, пошлите, ага». А у ней они-то час целый, да, за час целый **вон сколько** можно пройти, чё (Кузнецова).*

(21) *Это наш любимый город. Вот с пятьдесят пятого года я уже по существу сказать, так сказать, сколько это лет. **Вон как** много, уже здесь мы, мы все здесь, все живём здесь! (Пригожаева)*

(22) *Мне вот... Сдохну – куда вот мои кошки? Они же... **Вон какой** Сенька у меня. Прямо барон настоящий. Но он и Зою тоже любит, обнимает (Попова).*

Анализ глубинных интервью позволил заключить, что текстах подобного типа у *вот* функций, в которых не может использоваться *вон*, гораздо больше. Большинство из них связано с когнитивными механизмами порождения спонтанной речи, позволяющими говорящему осуществлять организацию и контроль дискурса. Можно выделить следующие типы употреблений *вот*:

- финальное *вот*;
- маркер открытия новой темы;
- анафорическое *вот*;
- маркер возвращения к теме;
- маркер поиска;
- маркер чужой речи.

Обратимся к рассмотрению отдельных типов употреблений.

Финальное *вот*, выделяемое как особый тип употреблений рядом исследователей (см, например: [Кибрик, Подлеская, 2009, с. 148; Дараган, 2003]), используется говорящим для указания «на то, что некоторый отрезок дискурса завершен и говорящий переходит к следующему» [Кибрик, Подлеская, 2009, с. 148]. Как позволяет предположить анализ примеров, подобная делимитативная функция связана с важным когнитивным процессом – контролем того, как «разворачивается» дискурс (данный тип используется только в конце завершенного фрагмента повествования). См. пример использования финального *вот* (23).

(23) *Так... родилась-то я в Вологде. Есть такой город северный в Вологодской области, и город районный, Тотма. Это город очень такой... славится своими историческими корнями. Он расположен на реке Сухана. Сухана и Юг-река, сливаясь вместе, образуют Северную Двину, которая идёт в Архангельск и идёт в Северный Ледовитый океан. **Вот**. И вот моё детство прошло на этой судоходной реке Сухане. Сначала мы жили в Тотме, потом мы переехали в леспромхоз, жили в леспромхозе, а после десятого класса я поступила в Вологодский техникум железнодорожного транспорта. Родилась я в тысяча девятьсот тридцать шестом году, четырнадцатого ноября. **Вот**. Закончила школу в пятьдесят четвёртом году, в тысяча девятьсот пятьдесят четвёртом году (Буримова).*

Обратимся к рассмотрению еще одного типа употреблений *вот*, выделяемого И. М. Кобозевой. Исследователь указывает, что дискурсивное слово в данном случае используется в качестве маркера открытия новой темы или нового поворота в развитии темы. Обычно данный тип употреблений является «либо фразово-безударным, либо несет второстепенное ударение» [Кобозева, 2007].

Анализ текстов глубинных интервью позволил нам выявить дискурсивный сценарий использования подобного маркера: говорящий вводит квант новой, но логически связанной с предыдущим отрезком дискурса информации (продолжение повествования) (см. (24)).

(24) Ты знаешь, вот День Победы... к Дню Победы сейчас стараются примазывать даже те классы, которые недовольны Победой, и примазываются к ней. И будут, потому что это настолько важный праздник для народа, что против него просто нельзя. Вон же попытались заменить Знамя Победы на такое... какое-то... непонятное. Как весь народ выступил, пришлось Госдуме менять [нрзб]. Это предатели, «Единая Россия». Недаром молодец этот назвал «партия жуликов и воров» [прокашливается, долгая пауза]. Ну че еще интересного в этой жизни? **Вот** дело в том, что э-э... тут э-э-э... стараются подрывать авторитет Победы. Посмотри, что вот по телевизору... я вот сейчас телевизор... нет, а стараются показывать по телевизору американцы... (Алексеев)

В рассматриваемом примере говорящий в ответ на вопрос интервьюера эксплицирует представления, связанные для него с Днем Победы, завершает синтагму, затем прокашливается и делает долгую паузу, очевидно, предполагая, что он уже дал исчерпывающий ответ на поставленный вопрос, и ожидая от интервьюера нового вопроса. Так как нового вопроса не последовало, субъект речи решает продолжить развивать тему Дня Победы (используя для начала нового этапа повествования иницилирующую реплику обобщенного характера: *Ну че еще интересного в этой жизни?*), при этом в фокусе его внимания оказывается новый аспект ситуации – угроза авторитету значимого для информанта события (**Вот** дело в том, что э-э... тут э-э-э... стараются подрывать авторитет Победы). В данном случае говорящий репрезентирует некоторый обобщенный тезис (*стараются подрывать авторитет Победы*), который затем иллюстрирует примером (*Посмотри, что вот по телевизору... стараются показывать по телевизору американцы. Они уже показывают вообще русских завоевателями*). Говорящий при этом использует *вот*, являющееся маркером открытия новой темы, для того чтобы ввести новую и, как ему представляется, значимую информацию, логически связанную с предшествующим рассказом, и обратить внимание собеседника на то, что начат новый этап повествования.

Значение анафорического *вот* И. М. Кобозева описывает следующим образом: «Говорящий утверждает, что конкретным воплощением категории У в данной ситуации является только что упомянутый или ситуативно актуализованный X, а не что-либо иное» [Кобозева, 2007]. По И. М. Кобозевой, *вот* в данном случае несет контрастное ударение (25).

(25) ...В ГУЛАГах в этих, в лагерях, чтоб раскулачить и пустить по миру самую... цвет нашего сельского хозяйства, хозяев, которые могли хозяйничать. А оставили голытьбу, которую, кроме водки, ничего ему не надо было, который ни землю обрабатывать, ни умения, ни знания, ниче у него не было. И лень еще к тому же. **Вот** они у нас у власти были (Портянникова).

Реплика *Вот они у нас у власти были* позволяет говорящему указать на то, что у власти находилась именно та группа лиц, что охарактеризована выше. Данная реплика имеет резюмирующий характер, и *вот* в ней используется для отсылки к предшествующему фрагменту текста, где описывается определенная ситуация.

Дискурсивное слово *вот*, выступающее в качестве маркера возвращения к прежней теме, обычно является проклитикой (присоединяется к следующему за ней кванту дискурса). Ю. В. Дараган, указывая на подобный тип употреблений (для его обозначения исследователь использует термин «анафорическое *вот*»), отмечает, что данный тип употреблений *вот* маркирует «кореферентность распространенных по тексту объектов и событий» [Дараган, 2003].

Анализ текстов глубинных интервью позволил нам выявить и описать определенный дискурсивный сценарий, связанный с употреблением *вот* в функции маркера возвращения к теме: (а) говорящий начинает рассказ в соответствии с определенным (как правило, во многом задаваемом вопросом интервьюера или предыдущим повествованием) планом; (б) ощущает, что он отошел от первоначально запланированного сценария; (в) считает необходимым вернуться к начатому выше повествованию; (г) считает, что нужно обратить внимание адресата на то, что он возвращается к той же теме (к тому объекту/событию, которое он уже выше упоминал) (см. (26)).

(26) ...На самом деле руководила всей... бюро... бюро технической документации, то есть через мои руки прошла **вся документация**, всё, что... какие мы осваивали новые виды техник: МИ-8 осваивали, и АН-24 осваивали, АН-26 осваивали. И **вот эта вся документация**... [покашливает] у меня потом уже была группа человек шесть, наверно [нрзб] это копировальное отделение, это они мне подчинялись... (Буримова)

Субъекту речи в рассказе о своей работе представляется необходимым уточнить содержание документации, с которой он работал (для этого говорящий перечисляет марки самолетов, о которых, по всей видимости, шла речь в этих документах): *мы осваивали новые виды техники, МИ-8 осваивали, и АН-24 осваивали, АН-26 осваивали*. Затем, чтобы вернуться к теме работы с документами после развернутого уточнения, говорящий использует повтор (*вся документация*), указательное местоимение *эта* и *вот*, являющееся маркером возвращения к теме.

Еще один тип употреблений *вот*, который позволяет нам выделить анализ материала, это маркер поиска (по всей видимости, на сходный (однако, не идентичный) тип употреблений указывает Ю. В. Дараган, называя *вот* среди прочих маркеров концептуализации [Дараган, 2000]). Условимся считать маркерами поиска употребления, характерные для ситуаций, в которых говорящий затрудняется вербализовать собственное представление о чем-либо: в его сознании сформировано некоторое понятие, для которого он не может подобрать/вспомнить адекватную номинацию. *Вот* как маркер поиска очень часто используется вместе с другими маркерами препаративной подстановки (обычно к ним относят лексемы *это*, *это самое*, *этот самый* и т. п.; см., например: [Дараган, 2003; Кибрик, Подлеская, 2007, с. 9]). По всей видимости, данный тип *вот* может быть как ударным, так и безударным, но после него всегда следует пауза, необходимая говорящему для формирования понятия (27).

(27) Выросли эти новые микрорайоны: и Университетский, и Первомайский. *Вот*. Ну... был только **вот этот**... Синюшка, она уже начина... начинала уже, когда там строить начинали на Синюшке (Буримова).

Говорящий испытывает трудности при необходимости вербализовать название района, о котором идет речь, возникает дискурсивный сбой, и, чтобы не прерывать дискурс, субъект использует маркеры препаративной замены. Таким образом, подобные маркеры, с одной стороны, обеспечивают связность дискурса (говорящий не прерывает повествование и не позволяет перехватить речевую инициативу), а с другой – становятся сигналом затруднений при выборе (или, как в данном случае, при необходимости вспомнить) определенного слова. Интересно, что в данном примере субъект речи использует не только *вот*, но и *этот*, также в данном случае выступающее как маркер поиска.

В результате анализа материала нами выделен и описан еще один тип употреблений *вот*, не рассматриваемый в предшествующих работах, посвященных

функционированию данного дискурсивного слова. Условимся называть данную функцию маркированием чужой речи. Примеры, в которых говорящие употребляют *вот* при передаче чужой речи, можно разделить на две группы. К первой группе относятся случаи, где *вот* находится внутри цитаты. Как представляется, практически все подобные употребления можно рассматривать в рамках уже названных типов. См. пример с акцентирующими *вот* внутри цитаты (28).

(28) *Но нам облегчило эту задачу тем, что эээ... житель местный этой деревни, когда мы остановились в лесу, он к нам подошел и говорит о том, что в этой деревне наших местных жителей никого не осталось. Немцы заняли, а мы все ушли, и мы вот местные жители находимся вот в лесу, вот в таком-то месте расположены, вот вся, все местные жители, кто что мог унести, вот там и находятся* (Вишняков).

Во вторую группу объединяются употребления, где *вот* используется на границе собственной речи говорящего и фрагмента, в котором он передает чужую речь. По всей видимости, именно подобные употребления следует рассматривать как особый тип. В данном случае *вот* можно считать маркером чужой речи.

(29) *Имеем семь внуков, одиннадцать правнуков, и один уже праправнук. Он вчера приехал как раз с Братска к нам... там... прибежал к нам сюда и вот: «Дедуля!» – обнял меня: соскучился. Ему три года: «Я соскучился и к вам приехал вот к вам»* (Вишняков).

(30) *Помню, директор выставит на линейку, начинает отчитывать провинившихся, особенно тех, кто плохо учился, у кого двойки там, всё. И вот он всегда говорил вот: «Кто хорошо учится, домой приедете – вам всем будет дома раздавать родители конфетки, поскольку вы хорошо, а тот, кто плохо учится, не хочет учиться, они, кроме клюквы, ничего не получают»* (Буримова).

(31) *Вот поговорили мы ну просто между собой, а среди наших оказались такие люди, которому надо было или выслужиться, или я не знаю, пошёл и доложил директору, что вот у неё вот такие взгляды, вот она... ммм... говорит о том, что плохо, что власть наша плохая, что люди не могут купить себе продукты и всё такое* (Буримова).

Подобные употребления возможны как при цитировании (см. (29) и (30)), так и при передаче чужой речи косвенно (31). Следует, однако, отметить наблюдаемую интерференцию прямой и косвенной речи в примере (31): говорящий в косвенной речи использует личное местоимение *она* в форме 3 л. ж. р. ед. ч., денотат которого сам субъект речи. Подобное включение чужой речи в собственное повествование позволяет предположить, что *вот* здесь маркирует введение нового, чужого голоса, чужой точки зрения. См. замечание Н. Б. Вахтина и Е. В. Головки о подобном цитировании: «Вплетая чужие слова в ткань нашего собственного повествования, мы как бы вводим в диалог еще одного участника (обычно физически отсутствующего)» [Вахтин, Головка, 2004, с. 272]. По всей видимости, функция *вот* в данном случае близка к функциям частиц *де*, *дескать*, *мол*, которые позволяют осуществить «отчуждение речевого произведения от говорящего и атрибуцию его другому» [Арутюнова, 2000, с. 437].

Рассматриваемые примеры, в которых *вот* используется как маркер чужой речи, позволяют предположить, что *вот* в данной функции является фразово-безударным.

Анализ употреблений *вон* и *вот* позволяет заключить, что некоторые типы употреблений оказываются характерными для обоих дискурсивных слов, более того, во многих контекстах они могут заменять друг друга. В данном случае предпочтение того или иного маркера оказывается дискурсивным выбором говорящего, включающего некоторый объект/ситуацию в свою личную сферу или исключаящего что-либо из нее. Основной функцией различных употреблений *вон* оказывается маркирование объектов/ситуаций, исключенных из личной сферы субъекта речи (следует отметить, что использование *вот* не всегда маркирует включение объекта/ситуации в личную сферу говорящего).

Вместе с тем, как показывает проведенный анализ, у *вот* можно выделить ряд типов употреблений, нехарактерных для *вон*, с помощью которых говорящий осуществляет организацию и контроль повествования: финальное и анафорическое *вот*, *вот*-маркер поиска, *вот*-маркер открытия новой темы, а также *вот*, являющееся маркером возвращения к теме. Перечисленные функции напрямую связаны с процессами порождения спонтанной речи, анализ подобных употреблений дает возможность увидеть когнитивные механизмы (см. описание определенных дискурсивных сценариев использования маркеров), которые позволяют говорящему успешно продуцировать и структурировать дискурс.

Как особый тип употреблений можно выделить *вот*, являющееся маркером чужой речи и позволяющее говорящему ввести в повествование точку зрения еще одного участника. Данный тип связан не столько со структурированием самого повествования, разворачивающегося в дискурсе, сколько с маркированием отчуждения некоторого фрагмента дискурса от говорящего.

Таким образом, анализ употреблений дискурсивных маркеров *вот* и *вон* позволяет утверждать, что у *вот* по сравнению с *вон* гораздо больше различных функций, при этом с помощью дискурсивного слова *вот* могут осуществляться не только различные формы прямого и непрямого указания, но и организация и контроль дискурса, а также отчуждение определенного фрагмента речевого произведения от говорящего.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 5–32.
- Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол*: К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–449.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Рус. яз., 1948–1965.
- Борисова Е. Г., Овчинникова Т. Е. Параметр близости в метафорическом пространстве // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10(17). М.: Изд-во РГТУ, 2011. С. 146–151. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2011/materials/html/16.htm> (дата обращения 26.04.2015).
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная Академия»: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2004. 336 с.
- Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
- Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в спонтанной речи // Тр. междунар. семинара «Диалог'2000». Т. 1: Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 67–73. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/67.htm> (дата обращения 26.04.2015).

Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог'2003». М.: Наука, 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Daragan.htm> (дата обращения 26.04.2015).

Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2007. № 2. С. 2–23.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог'2007». (Беласово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 250–256. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/38.htm> (дата обращения 26.04.2015).

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13–50.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 908 с.

A. A. Racheva

The use of the markers *vot* and *von* as a discursive choice of the speaker

The paper describes the problem of the functioning of the discursive markers *vot* and *von* in the texts of remote interviews. The analyzed units are considered in terms of their role in the discourse organization, which presupposes the connection between the peculiarities of using the discursive markers and the cognitive mechanisms of spontaneous speech production. Marked out in the framework of the paper are the types of applications common for *vot* and *von* and defined are the causes of choosing one or the other marker by the speaker. The analysis of the examples revealed that in this case the elimination of an object from the personal sphere of a speaker is crucial. The paper describes not only the functions common for *vot* and *von*, but also the specific functions of each marker. Moreover, the paper identifies several types of using, which help the speaker to organize and control the narration and achieve estrangement of some fragment of discourse.

Keywords: discourse, discursive markers, discursive words, oral speech.

DOI 10.17223/18137083/55/18